

7. Осетинська Г.А. Цивільно-правовий захист прав споживачів за законодавством України: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / КНУ ім. Тараса Шевченка. – К., 2006. – 20 с.
8. Іваненко Л.М. Цивільно-правове забезпечення прав споживачів на належну якість товару: Автореф дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / КНУ ім. Т. Шевченка. – Київ, 2003. – 21 с. – К., 1998. – 20 с.
9. Зверєва О.В. Захист прав споживачів: Навчальний посібник. – К.: Центр учбової літератури, 2007. – 192 с.
10. Готін О.М. Кримінальна відповідальність за випуск або реалізацію недоброякісної продукції в умовах ринкової економіки (проблеми теорії та практики): Автореф дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.06 /КНУ ім. Т. Шевченка. – Київ, 2003. – 21 с.
11. Пащенко О.М. Правове забезпечення якості сільськогосподарської продукції // Аграрне право України: підруч. для вищ. навч. закл. / За ред. Погрібного О.О. – К.: Істина, 2007. – 445 с.
12. Гетьман А.П. Порадник керівника сільськогосподарського підприємства. – К.: Юрінком Інтер, 2005. – 624 с.

Синеокий О.В., ЗНУ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРОКУРОРА- КРИМИНАЛИСТА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

У статті автором на підставі проведеного дослідження, науково визначаються шляхи політичної культури прокурора-криміналіста й перспективи акмеологічних розвідок теоретичної моделі професіоналізму в умовах реформування системи органів прокуратури.

In this article the author on the bases of a carry out investigation scientifically marks the ways of political culture a procurator-criminalist and perspectives of an acmeological development the theoretical model of a professionalism in conditions of a reforming procurator's office system.

Политическая культура – это система знаний о политических ценностях и способах участия в политической деятельности, используемых для претворения этих ценностей в жизнь. В целом, политическая культура имеет два аспекта: *статический* (система ценностей) и *динамический* (способы участия субъектов политической системы общества в политической жизни). В современной научной литературе до настоящего времени фундаментальным исследованиям в сфере изучения политических компонентов уникального профессионального статуса прокурора-криминалиста уделено поверхностное внимание.

Современные российские ученые и практики, такие как Ф. Загидуллин, В. Исаенко, В. Колесников, А. Коротков, Ю. Леканов, Ю. Ляхов, Ю. Пеканов, Р. Сафин, А. Халиулин, Д. Шальков и некоторые другие на страницах юридических журналов в своих публикациях [1; 2; 3; 4] ведут многолетнюю дискуссию исключительно о процессуальных полномочиях прокурора-криминалиста, не пытаясь рассмотреть эту проблему

концептуально шире. К тому же, количество кандидатских диссертаций по данной проблематике минимально [5; 6], а опубликованные результаты монографических исследований на уровне докторских диссертаций за последние десятилетия вообще отсутствуют. При этом методологические подходы в исследовании теории профессиональной деятельности прокурора-криминалиста [7; 8] существенно отстают от современных инновационных потребностей в сфере уголовного преследования.

В настоящей статье выбрана цель обозначить свое видение на построение основ акмеологического учения об уникальном суперпрофессионализме прокурора-криминалиста, где особая роль отведена его политической культуре, что, возможно, позволит в дальнейшем оформиться гипотезе в самостоятельное учение.

Профессионализм деятельности прокурора-криминалиста довольно сложно описать, ограничиваясь исключительно количественными критериями и показателями. *Действенность* прокурора-криминалиста можно представить как совокупность затрат с учетом времени, в течение которого им проводились мероприятия по оказанию практической или методической помощи, и соотношение между затраченными средствами и полученным результатом. Поэтому мотивация профессиональной деятельности прокурора-криминалиста имеет решающее значение не только в достижении результативности и эффективности выполнения оперативно-служебных задач, но и предопределяет механизм *акмеологического взаимодействия*.

В последние годы возникла острая потребность в акмеологическом переосмыслении многих положений и критериев профессиональной деятельности прокуроров-криминалистов, предоставлении данному особому виду прокурорской работы статуса научной деятельности. Нужно проводить целевые мониторинги и маркетинговые исследования для изготовления концептуальных направлений функционирования и развития службы прокуроров-криминалистов.

В частности, предлагаемый субъектно-акмеологический подход к исследованию профессионализма является инновационным, поскольку ориентирует прокурора-криминалиста на овладение карьерной стратегией, базирующейся на тех моментах профессиональной деятельности, ее алгоритме и технологии, которые позволяют ему не только самореализоваться, но и открыть в себе, а затем профессионально задействовать творческий потенциал для достижения результативности своего участия в процессе оказания практической и методической помощи при расследовании уголовных дел, то есть фактически учить следователей «прицельно» работать на полное раскрытие преступлений.

Сегодня уже не вызывает особых возражений тот факт, что прокуроры-криминалисты могут первоклассно работать практически по любой категории уголовных дел. Однако нужны немалые усилия для того, чтобы «войти» в новое дело, мобилизовать знания и пополнить профессиональный опыт, приспособить к измененным условиям работы существующие умения и привычки [9]. Поэтому, чем большим запасом приемов и средств владеет прокурор-криминалист, тем выше его профессионализм.

Моделирование в деятельности прокурора-криминалиста оказывает содействие познанию конкретного, имеет широкие возможности для из-

учения свойств и сторон отдельных объектов, во многих случаях разрешает установить конкретные обстоятельства, решить вопрос о существовании того или другого события, факта. Ведь только вообразив характер служебной задачи, прокурор-криминалист мобилизует запасы своих знаний. Но, к сожалению, несовершенство политической культуры в профессиональной подготовке прокуроров-криминалистов, может вызвать серьезные отрицательные последствия. Мы видим, что подобное состояние дел детерминирует различную степень процессуальной самостоятельности и профессиональной ответственности прокуроров-криминалистов. Вместе с этим, существующий ограниченный параллелизм в формах деятельности надзорного прокурора и прокурора-криминалиста все же пока выступает как нежелательный феномен.

Таким образом, мы видим, что специфика профессии прокурора-криминалиста отличается от работы других прокурорско-следственных работников чрезвычайным разнообразием. Существует большое количество ситуаций с высокой эмоциональной насыщенностью и когнитивной сложностью межличностного общения. Это требует от прокурора-криминалиста существенного личного вклада в развитие умения управлять эмоциональной напряженностью. Подобная специфика, используя существующие классификации, позволяет причислить профессию «прокурор-криминалист» к категории «профессий высшего типа».

Поскольку акмеологическое учение о профессиональной деятельности прокурора-криминалиста охватывает единый комплекс системно связанных вопросов, ее центральным звеном может стать политическая компетентность прокурора-криминалиста. Исходя из этого, заметим, что одним из условий успешной профессиональной деятельности в современных условиях является овладение прокурором-криминалистом политической культурой. Политическая нейтральность прокурора-криминалиста требует от него не проявлять политические симпатии или антипатии: не оказывать материальной помощи определенным политическим партиям, не участвовать в политических демонстрациях, не агитировать за кандидатов в депутаты и т.п. Чтобы быть непредвзятыми прокуроры-криминалисты должны с осторожностью переходить в процесс оказания практической помощи по уголовным делам с политической окраской, но чтобы предвидеть такую окраску нужно обладать определенной политической компетентностью. Тем не менее, не следует отождествлять политическую нейтральность прокурора-криминалиста с политической пассивностью (или индифферентностью), то есть полным безразличием к политике. Как раз наоборот, у прокурора-криминалиста вполне открытой может быть не только прикрываемая симпатия или антипатия, но и конкретная открытая политическая позиция.

Прокурору-криминалисту необходимо выработать политический иммунитет против деформации чувств и убеждений, которые становятся причиной неправильного, а то и фальшивого толкования политического положения в Украине. Тем не менее, как нам представляется, все же нельзя представить себе сегодня прокурора-криминалиста без твердых гражданских установок. Однако следует учитывать, что каждый юрист является носителем индивидуальной политической культуры. Поэтому будет явно недемократичным заставить прокурора-криминалиста отка-

заться от конкретных политических взглядов и политических склонностей вообще, не участвовать в политическом процессе, не воплощать мировоззренческие ориентации в типичных для него поступках. Отдельно подчеркнем, что политические действия прокурора-криминалиста обязаны быть минимизированными и не выходить за *легальные рамки*, то есть соответствующими закону.

В последние годы для объяснения подобных дела стал использоваться термин «тенденциозное» следствие. Обратимся к энциклопедическим источникам: «Тенденция и тенденциозность (от лат. *tendo* – направляю, стремлюсь) в искусстве идейно-эмоциональное отношение автора к отображенной действительности, скрытые или непосредственные осмысление и оценка проблематики и характеров, выраженные через систему образов» [10, с. 421]. В более узком значении тенденциозность понимают как социально-политическое, нравственно-идеологическое пристрастие, преднамеренность силовых органов, открыто выразившееся в прямом или плохо прикрытом давлении на *подставленного или заказанного им* обвиняемого. В таких случаях предпочитают все же говорить не о тенденции, а о тенденциозности. Отметим, что оценка тенденции и тенденциозности в полемике многозначны, хотя приведенные определения и остаются наиболее общезначимыми ориентирами.

В современных условиях политического противостояния в Украине в повседневной работе прокурора-криминалиста особого внимания и тщательного изучения требуют уголовные дела, где имеет место искривление юридической картины дела, несостоятельность правовых и фактических решений по политическим мотивам. Основной задачей таких дел является желание искусственно преувеличить масштаб и значение проведенного расследования. Исходя из этого именно прокурору-криминалисту необходимо обладать дополнительными экспертными познаниями в области современной политики, чтобы после ознакомления с материалами уголовного дела установить тенденциозность следствия.

Политическую тенденциозность прокурор-криминалист может выявить по характерным деталям: желание любыми способами расширить круг лиц, особенно должностных, которые якобы причастны, искусственное увеличение количества выявленных «криминальных» эпизодов, нанизывания эпизодов, преувеличения похищенных сумм, явно тенденциозное решение вопросов правовой квалификации действий обвиняемых, привлечение к расследованию большого количества следователей, изъятие и присоединение к делу значительного количества документов, которые не имеют значения для дела (договора, счета, выписки, различные удостоверения, переписка, черновые записи и т.п.). Такие же милицйские «фокусы» могут встречаться и при проведении обысков, выемок, «добровольной выдаче» и прочем *непроцессуальном изъятии*. Приведем ниже существенные признаки и наиболее характерные черты «политизированного» следствия.

Гиперболизация дела проявляется также в многочисленных повторах паразитных словосочетаний для создания «*преступных групп*», «*стойких преступных групп*», «*преступных формирований*», многократный повтор одних и тех же документов к каждой процессуальной фигуре обвинения, в том числе и к тем, к кому эти документы не имеют никако-

го отношения. Таким способом создается впечатление «документации», «значимости» дела, иллюзия ее «мотивированности» и «масштабности» [11, с. 188–190].

Отметим, что расширенный спектр участия прокурора-криминалиста ущемляет возможности следствия для *фальсификации доказательств*. То есть, хотя бы своим участием, прокурор-криминалист уже ставит следователя в более формальные жесткие рамки законности. Конечно, в правоохранительной практике этого, к сожалению, не бывает достаточно. Но «детали», полученные с нарушениями законности в сложных, особо резонансных, «уголовно-политических» делах становятся главными козырями обвинения. Практика свидетельствует, что участие прокурора-криминалиста как главного процессуального эксперта может препятствовать в закреплении доказательств, поэтому следователь старается немедленно провести в деле наиболее важные следственные действия: допросить лицо в качестве подозреваемого, предъявить обвинение, воспроизведение, очные ставки [12].

В настоящее время новейшие достижения науки в особой форме использования специальных знаний в процессе уголовного преследования играют существенную роль по многим резонансным уголовным делам с политической окраской. Последовательно отработывая тактику использования заключения, прокурор-криминалист должен уделять проверке обоснованности выводов экспертов. Так, изучая заключение по подобному делу, прокурор-криминалист устанавливает: 1) достаточно ли признаков, выявленных экспертом? 2) правильно ли оценены экспертом выявленные признаки? 3) не содержатся ли противоречия между исследовательской частью заключения и выводами? 4) логично ли изложены фактические обстоятельства дела, которые относятся к предмету экспертизы? 5) прокурор-криминалист проверяет полноту использования представленных эксперту материалов и устанавливает, на все ли вопросы даны ответы.

Прокурор-криминалист должен учитывать, что иногда допускаются ошибки в оценке сведений, вытекающих из выводов эксперта, нередко отсутствуют ссылки в приговоре на этот источник доказательств, а подчас он просто игнорируется. Тщательному анализу подлежат не только выводы, но и заключение экспертизы в целом, правильность применения той или иной методики, произведенных расчетов, что не всегда соблюдается при работе с доказательствами.

Итак, прокурору-криминалисту необходимо лучше других знать признаки «заказного» уголовно-политического дела: 1) смешанная следственная группа из разных ведомств; 2) расследование происходит не по месту выявления преступления; 3) за состояние работы следственно-оперативной группы «отписывается» неопределенный орган расследования; 4) постоянно происходят неоднократные замены следователей, причем в самые ответственные моменты; 5) по делу могут отсутствовать потерпевшие; 6) наличие вымышленных свидетелей, которые к моменту допроса уехали в другую страну, умерли и т.п.; 7) закрытые судебные процессы по разрешению жалоб на незаконное задержание – нарушение принципа открытости и гласности судопроизводства без каких-либо оснований; 8) постоянные уверения на пресс-конференциях руководителей наивысшего ранга в «криминальности» дела; 9) нарушение права на

защиту – адвоката не допускают или создают вымышленные условия отъезда от него; 10) нарушаются уголовно-процессуальные нормы, которыми предусмотрен порядок задержания. В результате тенденциозных дел «создаются» обвинительные заключения на сотни страниц, хотя основное содержание можно изложить на 15–20.

При этом формулируются тенденциозные постановления с ходатайствами продления сроков следствия, односторонне подаются факты и обстоятельства, придумываются соображения в обоснование необходимости проведения дополнительных следственных действий. К этому, в заангажированных средствах массовой информации активно идет «раскрутка» общественного резонанса дела, подается односторонняя информация с целью создания относительно обвиняемого отрицательного общественного мнения, то есть «черные» технологии. В таких делах в состав следственных групп привлекаются десятки работников, проводится оперативно-розыскная «поддержка», которая выдает «на гора» иногда абсурдные слухи. Ведь тактическая функция сплетни в рамках уголовно-политического дела может использоваться в качестве своеобразного оружия в борьбе между отдельными политиками и политическими группами (партиями). Все это делается с расчетом на то, что суд «не разберется», не преодолеет комплекса искусственно созданной иллюзии «сложности и значения» дела, не захочет противопоставить себя сформированному негативному общественному мнению. Важно учитывать и то, что неправомерное поведение следователей по таким тенденциозным делам со временем практически невозможно будет доказать. Так, наибольшее распространение получили (и являются наиболее «эффективными») вынесение необоснованных и преждевременных процессуальных решений, либо непринятие надлежащих решений: а) отказ в возбуждении уголовного дела (по реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям); б) прекращение уголовного дела (по реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям); в) более мягкая квалификация содеянного, чем та, которая возможна при точном следовании закону; г) фиксация не всех эпизодов преступной деятельности.

Поэтому для прокурора-криминалиста важно знать реализуемые в следственной практике незаконные приемы, обеспечивающие уход от уголовной ответственности или смягчение ее для лиц, в судьбе которых следователь заинтересован под влиянием прямого или опосредованного «государственного заказа», взятки или иных обстоятельств.

Во всех перечисленных случаях корыстная и иная личная заинтересованность следователя маскируется (вольно или невольно) тем, что следователи по схожим материалам и уголовным делам зачастую принимают аналогичные процессуальные решения. Обычно это происходит под воздействием иных факторов и побуждений: недостаточного уровня профессиональной подготовленности, стремления снизить нагрузку, избавиться от сложного дела или от дела с вероятно негативными последствиями для следователя (в качестве таковых, например, может быть расценена перспектива повышенного внимания к делу прессы, угроза подвергнуться незаконному давлению заинтересованной стороны), и др. [13]

Следует указать и иные приемы, используемые следователями для незаконного ухода подследственных от ответственности или ее смягчения:

1) волокита при расследовании уголовного дела, умышленное затягивание следователем сроков расследования, несвоевременное принятие процессуальных решений. Как известно, следы «остывают», и обычно время работает на подследственного. Кроме того, промедление с проведением следственных действий (например, с обыском, экспертизой) позволяет подследственному и его сообщникам заблаговременно уничтожить доказательства, с избранием меры пресечения – скрыться от следствия и суда, с иными мерами процессуального принуждения – укрыть имущество, на которое может быть обращено взыскание по гражданскому иску или по приговору суда о конфискации и др.; 2) преждевременное умышленное уничтожение, а равно изменение или полная утрата вещественных доказательств, собранных по уголовному делу. Как возможный результат – подрыв доказательственной базы, недостаточность доказательств для направления дела в суд с обвинительным заключением; 3) умышленные нарушения следователем требований уголовно-процессуального законодательства, которые при их выявлении в ходе судебного рассмотрения могут повлечь признание части доказательств, собранных по делу, недопустимыми и, в конечном итоге, привести к частичному или полному оправданию подсудимого в судебном заседании или к возвращению уголовного дела для дополнительного расследования с последующим прекращением.

При этом нарушения «подбираются» таким образом, чтобы, с одной стороны, они не были заметны при беглом ознакомлении с материалами уголовного дела (а потому обычно и не замечаются прокурорами-криминалистами). Хотя с другой стороны, прокурор-криминалист останавливает свой выбор на типичных нарушениях, которые обычно объясняются невнимательностью, возникшей в результате перегрузок и усталости, недостаточным профессионализмом следователей и т.п.

Наряду с изложенным часто практикуются приемы противоположной направленности, для оказания уголовно-правового и уголовно-процессуального давления на лиц, от которых следователь в силу различных причин («заказ», корысть, карьера, месть и пр.) желает добиться определенного поступка (уступки конкурентам, выплаты долга кредиторам, ухода с большой или малой, региональной политической арены и пр.).

Среди этих приемов нужно назвать такие: 1) возбуждение уголовного дела в отношении лиц, на которых необходимо казать давление, или в отношении их близких; 2) наложение ареста на имущество вышеуказанных лиц под предлогом обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества; 3) заключение под стражу или применение другой меры пресечения (подписка о невыезде, залог и пр.) к вышеуказанным лицам; 4) применение иных мер процессуального принуждения в отношении вышеуказанных лиц [14].

К наиболее типичным нарушениям следует отнести политические преследования, соединенные с обвинением в совершении общеуголовных деяний (таких как, например, получение взятки, злоупотребления служебным положением, мошенничество с финансовыми ресурсами, уклонение от уплаты налогов, вымогательство, участие в организованных преступных формированиях и подобное). Вместе с этим, особо тяжкие преступления имеют место реже, поскольку фальсификация та-

ких уголовных дел должна иметь более серьезную доказательственную базу. К сожалению, следует отметить, что в ходе плановых проверок прокурорам-криминалистам редко удается вскрыть весь пласт совершенных следователями правонарушений, созданных коррупционных или, что еще сложнее, – криминально-государственных связей.

На основании изложенного, можно заключить, что прокурор-криминалист сегодня как никакое другое должностное лицо в сфере уголовного преследования обязан выступать своеобразным экспертом политической тенденциозности уголовных дел, что со временем может детерминировать и развить новый вид судебной экспертизы – политическая экспертиза «заказных» уголовных дел.

Итак, обобщая взгляды представителей разных подходов, можно констатировать наличие общих и специфических акмеологических особенностей развития профессионализма прокурора-криминалиста, что является важным этапом *эффективности* и *надежности* его профессиональной деятельности, где особая роль отведена *политической культуре прокурора-криминалиста* – обусловленным политическими знаниями, умениям, навыкам, ценностям и воплощенным на практике правилам *политического иммунитета* профессиональном поведении. Преломляя общенаучные постулаты к исследуемой нами проблеме, можно заключить, что последнее как раз и заставляет прокурора-криминалиста соотносить свои нравственно-этические представления (о добре, справедливости, смысле жизни) с особенностями политической сферы, формировать представления о роли политики в акмеологическом достижении им своих главных профессиональных целей. Поэтому, полагаем, что на сегодняшний день наиболее перспективная задача состоит в разработке методов развития политической компетентности прокурора-криминалиста, что является одним из акмеологических концептов его профессионализма.

Литература:

1. Исаенко В. Процессуальные полномочия прокурора-криминалиста / В. Исаенко // Законность. – 2005. – № 7. – С. 18.
2. Леканов Ю. Службе прокуроров-криминалистов – 50 лет / Ю. Леканов // Законность. – 2005. – № 1. – С. 13.
3. Леканов Ю.И. Вехи становления службы прокуроров-криминалистов / Ю. И. Леканов // Следственная практика. – 2004. – № 3 (164). – С. 17.
4. Сафин Р. Работа прокуроров-криминалистов / Р. Сафин // Законность. – 1999. – № 7. – С. 31.
5. Горовацкий А.В. Прокурор-криминалист в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. В. Горовацкий; С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ. – Санкт-Петербург, 2004. – 22 с.
6. Яковенко, В. В. Уголовное преследование и роль прокурора в его осуществлении: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Яковенко. – М., 2006. – 166 с.
7. Коврижных Б.Н. К вопросу о процессуальном положении и роли прокурора-криминалиста / Б.Н. Коврижных // Криминалистика и судебная экспертиза: [Респ. межвед. науч.-метод. сб.] – К., 1980. – Вып. 21. – С. 26.
8. Романюк, Б. Участь прокурора-криміналіста на стадії досудового слідства / Б. Романюк // Вісник прокуратури. – 2003. – № 1. – С. 44–49.
9. Полиенко А.В. Некоторые психологические аспекты деятельности прокурора / А.В. Полиенко // Теория и практика общественного развития: научный сетевой журнал [Институт социологии РАН]: психолого-педагогические науки. – 2005. – С. 138–141.

10. Большая Советская Энциклопедия. (в 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – Т. 25. – 600 с.
11. Зейкан Я.П. Право на захист у кримінальному процесі: практичний посібник / Я.П. Зейкан. – К.: Юридична практика, 2004. – 288 с.
12. Филиппов В. Корпоративный интерес не должен ущемлять права на защиту / В. Филиппов // Российская юстиция. – 2002. – № 3. – С. 11–12.
13. Захаров Ю. В тени закона: коррупционные технологии при расследовании уголовных дел / Ю. Захаров, П. Скобликов // Российская юстиция. – 2005. – № 6. – С. 14–21.
14. Скобликов, П. Каждый нуждается в защите / П. Скобликов // эж-ЮРИСТ. – 2002. – № 14. – С. 7.

Сляднєва Г.О., ОНЮА

ПРОБЛЕМИ АДАПТАЦІЇ ЗАКОНОДАВСТВА ПРО КОМЕРЦІЙНУ ТАЄМНИЦЮ ДО СТАНДАРТИВ ЄВРОПЕЙСЬКОГО СОЮЗУ

Работа посвящена разработке предложений по совершенствованию законодательства Украины, регулирующего коммерческую тайну. Коммерческая тайна исследована как вид информации, ее признаки и отграничение от других видов информации, а также законодательство Украины о коммерческой тайне. Аргументирована целесообразность для надлежащего урегулирования коммерческой тайны на законодательном уровне установить признаки информации, которая относится к коммерческой тайне, а также отграничить ее от других видов информации. Указывается, что, учитывая специфические признаки коммерческой тайны, она может быть определена как коммерчески ценная конфиденциальная информация, которая охраняется субъектом хозяйствования и доступ к которой ограничен с целью защиты прав и законных интересов ее обладателя от неправомерного доступа к ней, разглашения или использования. Обосновано, что правовой режим коммерческой тайны, устанавливаемый в законодательстве, должен обеспечивать сочетание частных интересов субъектов хозяйствования и публичных интересов, что вызывает необходимость использования как частноправового, так и публично-правового регулирования в этой сфере. А также приведению законодательства Украины регулирующего конфиденциальную информацию, информацию с ограниченным доступом к стандартам Европейского Союза.

The actual thesis is devoted to the development of the proposals on economic legislation which regulates commercial secret of economic subjects in Ukraine. The author defines a commercial secret as the commercially valuable confidential information, which is guarded by the economic subject and the access to which is limited with the purpose of the guarding of rights and legal interests of its owner from wrongful access to it, disclosure or usage. The bases of legal regulation of the commercial secret of economic subjects is generalized in the thesis. The concept of the right of economic subject to commercial secret is understood. The author justifies, that the legal regime of commercial secret should ensure a combination of the private interests of economic subjects and public interests, that causes of usage both private-law, and public regulation in this sphere. The methods of protection and guarding of the right to commercial secret are generalized. The kinds of the legal responsibility for violations of law to a commercial secret are determined. The recommendations on perfecting legal regulation of a commercial secret of economic subjects in Ukraine are suggested.